

партнерами. В частности, китайские социологии отдают явное предпочтение общемировым процессам, понимая этнические, национальные и региональные проблемы, как соподчиненные и вытекающие из общего миропорядка. Признание особого «междисциплинарного» места социологии в системе с другими науками объясняет и довольно длительный период, когда все искания в китайской социологии сводились преимущественно в токовании зарубежных текстов и переводческой деятельности. Но именно такое длительное и глубокое осознание социологии китайскими учеными позволяет говорить о стремлении определить ее место и роль, не нарушая традиционные взгляды на развитие социума.

Таким образом, в данной статье были представлены результаты лишь отдельных конкретных социологических исследований современного китайского общества и китайской социологии. Однако наше знание о современном китайском обществе, проблемах и тенденциях его развития находится на крайне низком уровне, и восполнение этой научной лакуны поможет внести большее взаимопонимание в отношения России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединцева Л.А., Смелова А.А. Социальная структура и ценности в российском и китайском обществах: сравнительный анализ // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ 22-23 мая 2017. - Издательство БГПУ. - 2017. - с. 299-302.

2. Дерюгин П.П., Самарина Е.Л. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 8 (40). – С. 87-105.

3. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Цзинь Ц., Шияева А.С. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ 22-23 мая 2017. - Издательство БГПУ. - 2017. - с. 267-271.

4. Дерюгин П.П., Баруздин И.А., Цзинь Ц., Сивоконь М.В., Шияева А.С. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей) // Дискурс. 2017. №4. с. 68-89.

5. Веселова Л.С., Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность и сохранение традиции // СОЦИС. 2018. №7.

УДК 94:327.8(100-87)

Лестев Антон Евгеньевич

Кафедра истории, философии и культурологии
Казанский государственный институт культуры
antonlestev@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ЯПОНСКОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В МАНЬЧЖОУ-ГО И МОНГОЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-политические и религиозные утопические идеи, сыгравшие свою роль в формировании и развитии экспансионистской континентальной политики Японии, создании Маньчжоу-го и войне против Китая.

Проводится анализ места идеала «царского пути» в иерархичной системе японского утопизма. Рассматривается вопрос вовлеченности частных лиц в пропаганду японских идеалов.

Ключевые слова и фразы: Маньчжоу-го, Китайско-японские отношения, вандао, царский путь, утопия, кокутай, японский национализм.

Lestev Anton Evgenyevich

Department of History, Philosophy and Cultural Studies

Kazan State Institute of Culture

antonlestev@mail.ru

THE USE OF SOCIAL-UTOPIIC IDEAS IN THE JAPANESE CONTINENTAL POLICY IN MANCHUKUO AND MONGOLIA

Abstract. The article examines socio-political and religious utopian ideas that played major role in the formation and development of Japan's expansionist continental policy, the creation of Manchukuo and the war against China. The article analyzed the place of the ideal of the "royal path" in the hierarchical system of Japanese utopianism. Also this article considered the involvement of private individuals in the promotion of Japanese ideals.

Key words and phrases: Manchukuo, Sino-Japanese relations, vandao, royal path, utopia, kokutai, Japanese nationalism.

Маньчжурский инцидент и создание марионеточного государства Маньчжоу-го в историографии традиционно рассматривается через призму японского милитаризма и империализма. Между тем оба этих термина несут в себе, прежде всего, западные смысловые коннотации и не отражают в полной мере сложной синкретичной структуры японской национальной идеологии, включающей как традиционные конфуцианские социально-утопические идеи, так и специфическую мессианскую идею божественного происхождения японской нации.

Начать рассмотрение заявленной в заглавии темы я предлагаю с оккупации китайской провинции Маньчжурия и создания Маньчжоу-го, официальной идеологией которого был провозглашен «ван-дао». В некотором смысле этот эпизод стал квинтэссенцией японского политического утопизма, от которого уже в дальнейшем можно ретроспективно вернуться к первым проектам и попыткам создания на территории Китая идеальных государств.

История маньчжурского инцидента хорошо описана в историографии, политические и дипломатические перипетии, вызванные действиями Квантунской армии, детально разобрал в своей монографии «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель» В.Э. Молодяков. События начали развиваться в ночь с 18-го на 19-е сентября 1931 года, когда прогремел взрыв железнодорожного полотна в Лютяогоу, после чего японские войска оккупировали Мукден, Чаньчунь и Гириин. В январе 1932-го года был взят Цзинчжоу, и начались уличные бои в Шанхае. 6 февраля японцы заняли Харбин, а уже 1 марта было провозглашено создание государства Маньчжоу-го [4, с. 126].

Среди причин Маньчжурского инцидента бывший начальник 1-го бюро Генерального штаба флота контр-адмирал Томиока Садатоси называл: игнорирование и нарушение японских прав и интересов в Маньчжурии, полученных еще в результате русско-японской войны, националистическую антияпонскую политику китайских режимов Чан Кайши и Чжан Сюэяна, а также многочисленные оскорбления китайскими солдатами японских жителей и солдат, убийство капитана Накамура [7, с. 9]. В целом это отражает позицию японских офицеров и политиков. Кроме того, японцы упирали на царивший в Китае хаос и отсутствие единого управления.

Официальной идеологией нового государства стало понятие «*ван-дао*» – «Царский путь», который был, по мнению австралийского историка Т.Д. Дюбуа, детищем бывшего чиновника империи Цин и верного спутника свергнутого китайского императора Пу И – Чжэн Сяосюя (1860–1938) [1, с. 294]. Пу И стал сначала регентом, а потом императором нового государства. По этому поводу японский дипломат Сиратори Тосио в статье «Новое пробуждение Японии» писал: «В Маньчжурии все усилия направлены на создание строя, где будет доминировать конфуцианский “царский путь” и где не будет эксплуатации человека человеком» [8, с. 43]. Идея «*ван-дао*» была не просто идеологическим конструктом, призванным заретушировать японскую экспансию и оккупацию, но звеном в цепи политического утопизма и идеализма японской элиты. Классическое понимание идеала «Царского пути» в трактовке Дун Чжун-шу (179 – 104 гг. до н.э.) подробно рассмотрено в монографии Д.Е. Мартынова и Г.Г. Зайнуллина «Идея Великого единения (Да тун) в истории китайской общественной мысли рубежа XIX – XX вв. и Кан Ю-вэй». В нём главной целью государства и общества «становится поддержание гармонии в над- и подлунном мире, а человек в этой конструкции занимает промежуточное положение между Небом и Землёй» [3, с. 58]. Характерно, что в 1932 году был создан институт «Да Тун» («Великое единение»), в котором готовили будущих чиновников для маньчжурского аппарата [9, с. 56].

Между тем, стоит разобраться, как данная утопическая идея государства Маньчжоу-го согласовывалась с японской теорией государственного устройства *кокутай*, согласно которой мир богов (*ками*) и император на первом уровне, японский народ на втором уровне и японские острова на третьем уровне образуют единое живое целое [6, с. 12]. А также, каким образом идеальное по своему устройству государство может контролироваться японской армией и чиновниками.

Учение о *кокутай* было разработано еще в первой половине XIX века «школой Мито» (*Мито гакуха*) [6, с. 11], но также испытало на себе влияние и «школы национальных наук» (*кокугакуха*) XVIII – XIX веков. Формально «школа Мито» считалась конфуцианской, но на примере учения о *кокутай* уже видно, что конфуцианские идеалы полностью подчинены идее божественного происхождения японского императора, да и всей японской нации с островами, т.к. они составляют единый организм. Существенным моментом является различия в трактовке императорской власти, на которую указал еще В.Э. Молодяков, цитируя философа XX в. Вацудзи Тэцуро: «Император не является Сыном Неба, который получает Мандат Неба; он – само Небо, которое даёт этот мандат» [6, с. 8]. Сиратори писал, что после того, как в Маньчжурии официально заявили о стремлении к достижению «царского пути», «так и в Японии решительно требуется возвращение к «пути Тэнно» (небесного правителя) и устранение губительных элементов материалистической цивилизации» [8, с. 43]. Официально идеология *кокутай* была закреплена в 1937 году в книге «Основные принципы кокутай», согласно которой следование *кокутай* приведёт к всеобщей гармонии (*ва*) посредством слияния «сердец» подданных и императора – слияния божественного и человеческого за счёт мистической энергии связи и единства *мусуби* [6, с. 24]. В связи с этим отрывком также интересно процитировать главного идеолога «школы национальных наук» Мотоори Норинага (1730 – 1801 гг.), который писал, что все страны «должны почитать божественную страну и подчиняться ей, все в мире должны следовать её истинному Пути», «Истинный путь... един для всех стран» [6, с. 8].

Японская утопическая модель, по нашему мнению, принципиально отличается от китайской как в самой идее, так и в методе её достижения. Главное отличие в том, что японские острова, император и сам японский народ в рамках идеи *кокутай* имеют единое божественное происхождение, а значит, несут уже внутри себя божественный идеал. В отличие от китайских авторов социально-утопических концепций, японские идеологи не рассуждали о модели идеального управления, государственного устройства и поведения каждого члена общества. Воплощение принципа *кокутай*, прежде всего, требовало выстраивания правильной иерархии: как внутри страны, так и в рамках всего земного шара.

Отсутствие идеального мира объясняется тем, что участники взаимоотношений (внутриполитических и внешнеполитических) занимают неподобающее место и, соответственно, неподобающе себя ведут. Именно в этом и заключается парадокс ситуации, когда, казалось бы, император и так глава государства, а молодые офицеры устраивают массовые политические убийства под лозунгом реставрации императорского правления. Таким образом, японская националистическая мысль не просто восприняла идею западного империализма, заключающуюся в экспансии и контроле ресурсов, но создало особую мессианскую идею, в которой экспансия обосновывалась необходимостью для Японии занять соответствующее ей по происхождению место. Естественно, японские политики, колеблющиеся в принятии решений, а также страны, не выказывающие должного уважения, воспринимались как противники Японии. В этом смысле крайне показательным выглядит объяснение японских дипломатов, что маньчжурский инцидент стал ответом на нанесенное Японии Китаем оскорбление.

Создание Маньчжоу-го стало первым шагом в выстраивании надлежащей мировой иерархии и подчинении всех власти Неба. Для Маньчжурии японцы избрали китайскую утопическую модель государства, при этом сами японцы стояли не вне и не внутри этой модели, а над ней, осуществляя божественный контроль над земным государством. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и Пу И стал императором, т.к. он стал им в рамках китайской концепции, в которой императору дарован Мандат Неба, а дарует его, естественно, японский император, который и есть Небо. При такой идеологии не существует никаких препятствий для жестких карательных мер относительно противников государства, т.к. они выступают против установленного божественного порядка.

Естественно, что винить во всем японскую «военщину», как, следуя советской традиции, до сих пор пишут в исторических трудах, было бы неверно, т.к. вовсе не военные создавали эту идеологию. При этом, учитывая структуру японского общества и политической элиты, совершенно естественно, что армейские чины были тесно связаны с дипломатами, имперскими чиновниками и мыслителями посредством закрытых клубов, ассоциаций и обществ. Дж. Сэнсом в 1946 году, анализируя выступление шефа американской контрразведки генерала Э. Тропа, записал, что «важнейшие решения чаще принимались в домиках гейш или отдельных кабинетах ресторанов, без каких либо протоколов, нежели на официальных заседаниях» [5, с. 434]. Формирование кружков, начавшееся в 20-х годах, в правительственных структурах и в армии создавало между их членами неофициальные связи. Помимо политических кружков и специфических академий по изучению и пропаганде национального духа различные члены японского общества были связаны посредством религиозных сект.

В настоящей статье интересно будет рассмотреть идеи секты Оомото-кё, которая объединила под своим крылом политиков, флотских адмиралов, мастеров боевых искусств и простых людей. Оомото-кё была синкретической сектой, вобравшей в себя различные аспекты мировых религий, в том числе идею о Троице в оригинальном истолковании через концепцию *Инь-Ян*, а также удачно инкорпорировавшую в своё учение ритуалы из синто и буддизма, например, *кудзи-но-ин* и *котодама*. Главной движущей силой секты был её харизматичный лидер Онисабуро Дэгути (1871 – 1948 гг.), женившийся на дочери полусумасшедшей неграмотной пророчицы Нао Дэгути (1836 – 1918), у которой было небольшое число сторонников. Получив после смерти тёщи полную власть над сектой, Онисабуро превратил её в явление всеяпонского масштаба, чем обратил на себя внимание полиции, которые в 1921 году нагрянули в штаб-квартиру секты и арестовали её лидеров. Среди последователей Оомото-кё был известный ученый-физик Асано Васабуру, его брат вице-адмирал Асано Сэйкё [12], а также мастер боевых искусств Уэсиба Морихэй, создавший впоследствии искусство айкидо.

Онисабуро Дэгути был тесно связан с ультраправыми кругами, включая Утида Рёхэя и Тояма Мицуру [10]. В 1924 году, опасаясь преследования властей, Онисабуро решает

основать утопическую колонию, которая по его замыслу на начальном этапе должна была объединить территории Маньчжурии и Монголии. Основной идеологией нового государства должна была стать религия Оомото-кё, которая должна была объединить все религии мира, а также начать процесс объединения и освобождения Азии. Для этой цели Онисабуро собирался подкупить и обратить на свою сторону местного мятежного лидера, а по сути разбойника. В путешествии в Монголию Онисабуро сопровождал Уэсиба Морихэй и несколько других приближенных лиц. Экспедиция закончилась провалом, её члены были схвачены китайскими властями и приговорены к расстрелу, от которого их спасло вмешательство японского консула [11].

По мнению Стэнли Пранина экспедиция Онисабуро была подготовлена при участии Квантунской армии, которая искала возможности усилить влияние и контроль над Монгольско-Маньчжурским регионом [10]. Возможно, при помощи Онисабуро военные решили провести своеобразную разведку.

В истории с Оомото-кё интересна не столько религиозно-философская концепция утопической колонии, сколько её политические аспекты, явно совпадающие с лозунгами 30-х – 40-х годов XX века. Данный эпизод наглядно иллюстрирует тезис о том, что утопические идеи активно проповедовались самыми разными идеологами.

Япония видела себя освободителем, прежде всего духовным, от власти империалистического Запада. В статье «Всемирно-историческое значение континентальной политики», изданной в 1937 году, Сиратори писал: «Маньчжоу-го окончательно признан идеал “царского пути”, хотя государство существует всего-навсего пять лет. В Северном Китае императорскую армию встречали “с едой в чашах и супом в пиалах”, как Мэн-цзы много столетий назад сказал об армии Правителя-Мудреца» [8, с. 48].

В переустройстве азиатского региона по принципу объединения «восьми углов под одной крышей» Япония должна была занять место старшего брата. В соответствии с социальным устоем японского общества в отсутствие родителей старший брат является главой семьи. Также и в объединении и духовном возрождении азиатских государств Япония должна была занять место главы дома, объединяющего «восемь углов под одной крышей».

В монографии Д.Е. Мартынова и Г.Г. Зайнуллина рассмотрено интересное учение Хэ Сю, согласно которому Конфуций рассматривал мир с позиции дихотомии «внешнее – внутреннее». При описании древних времён для Конфуция внутренним было его княжество Лу, а внешнее всё остальное; для периода, о котором он мог знать от очевидцев, Конфуций рассматривает в качестве внешнего только варварскую периферию; своё время Конфуций изображает в качестве великого мира, к которому привело совершенное правление, а все государства – составляли единство [3, с. 61]. В некотором смысле японский утопизм следует этой модели, начиная совершенствование окружающих государств с княжества Лу – Маньчжоу-го. При этом, как уже отмечалось, Япония находится над этим процессом, осуществляя божественное управление.

Стоит отметить, что японский утопизм не является ретроспективным, он не обращается к древности в поисках идеального устройства и идеального государства. Древность представлена только самим божественным фактом происхождения императора. Сиратори писал: «Японию называют местом встречи Востока и Запада. В мировой цивилизации мы надеемся на большее, нежели роль моста или постоянного двора. Мы хотим, чтобы Восток и Запад не только встретились в Японии, но и слились здесь в новое, согласованное единство, сияние которого могло бы осветить самые отдаленные уголки земного шара. Такова миссия, о которой мечтает новая Япония» [8, с. 44]. Таким образом, Япония могла естественным образом использовать все материальные плоды западной цивилизации, т.к. материалистические учения были подчинены духовному. Японцы активно внедряли собственную культуру, образование и науку. В Маньчжоу-го были введены на официальном уровне ритуалы почитания императора (и японского, и маньчжурского), строились святилища богине Аматэрасу и погибшим воинам [1, с. 300]. В 1938 году в Маньчжоу-го по

инициативе генерала Мацудайра был открыт университет Кэнкоку, задачей которого была подготовка японских администраторов [2, с. 187]. Генерал Мацудайра был учеником в боевых искусствах сэнсэя Уэсиба Морихэя, о котором шла речь ранее. Уэсиба организовал демонстрацию своего искусства *айкибудо* для президента университета Сокура Сэйти и других высоких гостей, после чего *айкибудо* было введено в систему образования университета [2, с. 187]. Уэсиба отправил в Маньчжоу-го своего старшего ученика Томики Кэндзи, который проработал там до конца войны, попал в советский плен, и был репатрирован только в 1949 году. В 1942 году в годовщину создания Маньчжоу-го М. Уэсиба провел демонстрацию своего боевого искусства перед императором Пу И [2, с. 149]. Таким образом, можно сделать вывод, что М. Уэсиба продолжал сохранять тесные связи с Квантунской армией вплоть до конца войны. До войны создатель айкидо был сторонником идеи великой миссии Японии, которая должна была преобразить сначала Азию, а потом весь мир. Впрочем, после войны, проповедуя айкидо в качестве искусства мира, М. Уэсиба также видел в своём искусстве способ преображения мира, достижения гармонии между людьми, также называя айкидо серебряным мостом между Японией и США.

Безусловно, теоретические положения японского идеала были разработаны крайне слабо. Японские чиновники не могли объяснить суть концепций «небесного пути» и «восьми углов под одной крышей», что приводило на практике к простой идее – «что хорошо для Японии, то и есть истинный путь». Западные страны не принимали аргументов о нанесенном Китаем оскорблении Японии, в качестве обоснования её экспансии, что поставило Японию в затруднительное положение на международной арене.

Что действительно было понятно каждому японцу, так это идея о подобающем положении Японии и надлежащем поведении. Иерархичность японского общества оказала большое влияние на восприятие японцами собственного положения в мире. Это особенно усугубилось из-за комплекса великой державы, в клуб которых Японии вошла по результатам русско-японской войны. Во внутренней политике стремление реализовать небесный путь неизбежно вело в сторону тоталитаризма и сворачивания демократических институтов. Поэтому совершенно не удивительно, что целый ряд известных культурологов и исследователей японского национального характера (Б. Феллерс, А. Крёбер, Р. Бенедикт) выделяли верность императору в качестве основу национального самосознания, культурного кода или доминантной идеи японской нации.

В заключении можно констатировать, что политический идеализм и религиозный утопизм японской националистической мысли сыграл важную роль во внешней политике Японии 20-х – 40-х годов. Создание Маньчжоу-го, официальной идеологией которого был провозглашен конфуцианский идеал «царского пути», виделось японским идеологам ступенью на пути реализации высшего предназначения японской нации и перекраиванию мира в соответствии с «небесным путем». Политический и религиозный утопизм захватил все слои японского общества и различных по своему происхождению и взглядам людей. Таким образом, упрощенные оценки и сведение причин войны на Тихом океане к японскому милитаризму, на наш взгляд, являются чрезмерным упрощением многоаспектной проблемы японского националистического утопизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дюбуа Т.Д. Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2016. – № 4. – С. 291-302.
2. Зугари К. Нинпо. Ниндзюцу. Между светом и тенью. – Харьков, 2009. – 224 с.
3. Мартынов Д.Е., Зайнуллин Г.Г. Идея Великого единения (Да тун) в истории китайской общественной мысли рубежа XIX – XX вв. и Кан Ю-вэй. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – 347 с.

4. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009. – 528 с.
5. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 528 с.
6. Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж / В.Э. Молодяков. – М.: МОНОГАТАРИ, 2011. – 304 с.
7. Садатоси Т. Политическая стратегия Японии до начала войны: монография. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 416 с.
8. Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933 – 1945 / Сост., пер., вст. статья и комм. В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 160 с.
9. Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-го: дис. ...канд. истор. наук : 07.00.03/ Фоменко Вера Михайловна. – Иркутск, 2015. – 204 с.
10. Pranin S. Historical photo: “Morihei at Death’s Door” // Aikido Journal [Интернет-ресурс]. URL: <http://members.aikidojournal.com/public/historical-photo-morihei-at-deaths-door-by-stanley-pranin/>
11. Pranin S. Morihei Ueshiba and the Omoto Religion // Aikido Journal [Интернет-ресурс]. URL: <http://members.aikidojournal.com/public/morihei-ueshiba-and-the-omoto-religion/>
12. Pranin S. Morihei’s Ueshiba Juku, Launchpad of a Martial Arts Career // Aikido Journal [Интернет-ресурс]. URL: <http://members.aikidojournal.com/public/morihei%e2%80%99s-ueshiba-juku-launchpad-of-a-martial-arts-career-by-stanley-pranin/>

УДК 32

Ли Чжэньвэнь, Магистр искусств, доцент

Хунань Нормальный Университет, Китай

Институт Конфуция в Казанском федеральном университете (Елабуга), Россия

eliannali@126.com

НЕКОТОРЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДНИ ПУТЬ»

Аннотация. В 2013 году председатель Си Цзиньпин выступил с инициативой строительства проекта «Один пояс - одни путь». Всего за 4 года данная инициатива получила немало положительных оценок, участниками которой стали более чем 100 стран и международных организаций по всему миру. В данном проекте вовлечены разные регионы, страны, религии, этнические группы, языки и культуры, характеризующиеся также различиями в социальной среде и экономическом развитии, что слудит своего рода вызовом культурному взаимодействию. Язык - это особый культурный феномен, включающий в себя культурную традицию, социальную концепцию, религиозные убеждения и др. аспекты. Таким образом, успешное языковое общение является предпосылкой и основой культурного обмена и успешного строительства «Одного пояса – одного пути». Данное исследование пытается выявить трудности культурного взаимодействия, с которыми мы сталкиваемся в рамках инициативы «Один пояс-одни путь» и предложить свое решение, используя 3 аспекта языковой коммуникации.

Ключевые слова: Один пояс - один путь, культура языка, лингвистическая перекрестная ссылка, лингвистические коммуникационные подходы.

Li Zhengwen, Master of Arts, associate professor